

ЖОРЖ СИМЕНОН

A black and white portrait of Georges Simenon, an older man with a mustache and glasses, holding a pipe. The background is dark and slightly textured.

*Признания
моя и комиссара Мегрэ*

Жорж Сименон
Признания мои и
комиссара Мегрэ
Серия «Весь мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69300232

*Признания мои и комиссара Мегрэ / Жорж Сименон: Родина; Москва;
2022*

ISBN 978-5-00180-903-6

Аннотация

Жорж Сименон – синоним литературного успеха, ярчайшее литературное имя. Для миллионов людей он – человек, который создал комиссара Мегрэ, одного из самых популярных и обаятельных литературных героев. В этой книге Сименон открывает все свои тайны. Он рассказывает, как стать успешным писателем, выступает против войны, против буржуазии и аристократии, размышляет о русской литературе и Советском Союзе, о женщинах и политике, о молодости и старости. На склоне лет он не кривил душой. В этой книге впервые собраны все главные признания Сименона.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Чемпион среди писателей	5
Любовь к маленькому человеку	15
Я ненавижу войну	20
Мир в опасности	24
Моя литературная кухня	30
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Жорж Сименон Признания мои и комиссара Мегрэ

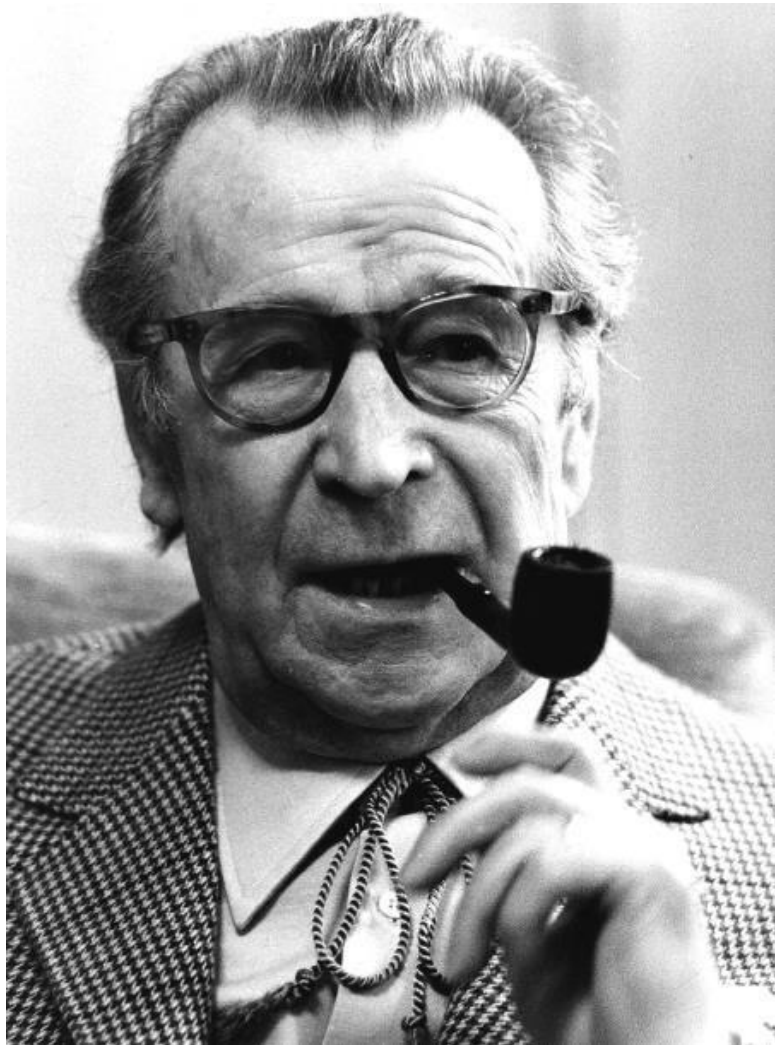
ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© ООО «Родина», 2022

Чемпион среди писателей

Жорж Сименон – легендарное имя в истории популярной литературы и просто один из самых интересных людей XX века. Настоящий феномен. Его имя стало нарицательным, как и имя его самого популярного героя – комиссара Жюль Мегрэ, работающего в знаменитом доме на парижской набережной Орфевр, 36.



Жорж Сименон – классический портрет классика массовой литературы

Он родился в Бельгии, в Льеже, в небогатой семье. Много повидал, работая журналистом, пробиваясь в Париже, который, как и Москва, слезам не верит. Писал бульварные романы сотнями – под разными псевдонимами. В конце 1929 года, в 26 лет, он нашел золотую жилу и открыл новую эпоху в истории детективного романа. Сименон придумал комиссара Мегрэ. В романе «Питер Латыш» («Петерс Латыш»). Писатель вспоминал, что этот образ пришел к нему в голову во время путешествия, в голландском городке Делфзейле. Через несколько десятилетий, ещё при жизни Сименона, там установят памятник любимому литературному герою миллионов. В этом романе писатель ещё не нашёл ни своего Мегрэ, ни своего стиля. Сюжет мрачноват и тяжеловат. Он связан с Россией: и убийца, и жертва родились во Пскове. Тем не менее, роман, выходявший в 1930 году в еженедельнике издательства «Фаяр», принес ему успех и до сих пор остается культовым во Франции. С тех пор Сименону больше не нужно было заниматься журналистской и литературной поденщиной, писать проходные заказные книги и беспокоиться о финансовом будущем. Мегрэ (который через несколько лет обретет свои классические черты) принес ему славу и благополучие.

По тиражам, по умению быстро и ловко сочинять поли-

цейские романы он не знал равных. В некоторых его книгах о Мегрэ, казалось бы, нет ничего особенного. Будничная жизнь полицейского комиссара. Важна даже не детективная загадка (загадку-то придумать несложно), не секрет преступления, а то, что комиссару некомфортно в новом пальто. То, что он перед обедом выпьет немного перно и с этим вкусом на этот раз у него будет ассоциироваться все расследования. А потом будет кормить неказистого подозреваемого бутербродного из пивной «У дофины», в котором криминалисты – постоянные клиенты. Трудно не влюбиться в сименоновский Париж. Сименона и самого часто сравнивали с Мегрэ. Он отмахивался от таких сравнений. Мегрэ – консерватор, убежденный семьянин, хотя и бездетный. Сименон – убежденный ловелас, много жертв в жизни принеший богу Амуру. На закате дней писатель признавался, что у него было 10 тысяч женщин. Возможно, преувеличивал или иронизировал, но высокая доля правды в этом признании есть. Их объединяло только умение разбираться в людях без иллюзий. И презрение к старой аристократии, к старой буржуазии. В этой снобистской среде всегда зарождались преступления. До Сименона никто в массовом жанре не вскрывал этого социального пласта. В советской стране его приняли как своего. И неспроста. Сименон отлично знал людей, видел их социальную изнанку – как самый дотошный и проницательный марксист.

Хотя... Сименон получил воспитание в семействе, отлич-

чавшемся «правыми» убеждениями. Его младший брат Кристиан стал нацистом – и мать до конца жизни любила его больше, чем знаменитого писателя. А сам Жорж, будучи молодым конъюнктурным журналистом, писал про «еврейское иго», которое ведет к страшной «власти большевиков». И Советский Союз в молодости представлялся ему страной тоталитарной. Потом он от этих представлений отказался. Но, когда Францию оккупировали немцы – он снова проявил себя конформистом. Публиковался, давал интервью – правда, политических вопросов избегал и нацистские идеи не пропагандировал. В любом случае, после 1945 года ему пришлось оправдываться. 19 июля 1949 года Комиссия по чистке литературы все-таки признала Сименона виновным и наложила двухлетний запрет на публикацию его произведений и распространение уже опубликованных. Правда, адвокат писателя помог смягчить этот приговор. После войны он откровенно и на этот раз искренне полевел, как и вся Франция. Сименону пришлось даже подкупать лжесвидетелей, которые рассказывали о его подпольной антифашистской деятельности. Да, он был авантюристом.

XX век стал расцветом детективного жанра. Давно превратились в банальщину споры о канонах классического детектива. В чем сила Сименона, выделяющего его из этого блестящего ряда? Он – как и его герой комиссар Мегрэ – был знатоком человеческой психологии. И почти не срывался в социальную фальшь. Нередко его книги называют «полицей-

ским производственным романом». И в этом есть зерно истины. Он хорошо знал, что такое лицемерие богатых. Для Конан Дойля или Агаты Кристи этой реальности, этой проблематики просто не существует. Их герои обладают сверхчеловеческими способностями. А Мегрэ – не гений, не супермен. Его сила в народном здравом смысле и опыте. И в человеческой психологии он разбирался не хуже своего автора. Понимал, как преступление вызревает в семейных дрязгах, на почве амбиций, мести, зависти, мракобесия и нравственной пустоты, на сексуальных дрожжах. Сименон очень серьезно относился к своей профессии. Неизменно следовал правилу выбрасывать значительную часть написанного из черновиков. И стал настоящим чемпионом литературного цеха. После «Латыша» он написал около 220 полноценных романов и повестей, среди которых немного откровенных неудач, и почти 10 томов размышлений и интервью. Одна из его бывших жен не без мстительности объяснял фантастическую работоспособность Сименона: «Он часами сидел за машинкой, словно робот, прерываясь только для того, чтобы заправиться виски, без которого он никогда не мог работать. Потом наступала очередь „сексуальной разрядки“ – этому человеку, чтобы работать, было необходимо иметь в день 4–5 разных женщин».

У нас принято снисходительно относиться к массовому жанру. В одной из учебных книг 60 лет назад можно было прочесть: «Сименон – автор нескольких хороших произве-

дений, удачливый организатор поточного производства множества сочинений средних и даже весьма средних, которых не в состоянии спасти всеми нами горячо любимый комиссар Мегрэ; благодаря энергичным действиям издателей, переводчиков и комментаторов, он занял незаслуженно большое место в наших читательских интересах. И практика эта отнюдь не невинная: тем самым читательское внимание ориентируется на «массовую культуру», отвлекается от истинного искусства, знание и понимание которого так необходимо для установления духовных контактов...»

Тогда у нас еще мало знали Сименона, мало издавали. Любимым писателем страны советов он стал с 1960-х. А к 1980-м его книги выходили во всех республиках СССР и во многих литературных журналах. Даже в легендарной макулатурной серии любимого французского писателя советских читателей издавали несколько раз.

А еще – на телевидении шли экранизации романов Симеонов с Борисом Тениным в роли комиссара Мегрэ. Сам писатель даже по фотографиям крайне высоко оценил работу советского актера. Он говорил в интервью Алле Демидовой: «Из 55-ти экранизаций я видел всего три. И смотреть не люблю, по правде говоря, на экране – совсем другое, чем было в голове... Обидно и досадно, такое впечатление, будто родная дочь вернулась домой после пластической операции. Правда, я видел фото советского актера Тенина в роли Мегрэ, в телеспектакле – очень похож! Пожалуй, боль-

ше всех. Передайте это ему, если встретите. Другие режиссеры делают Мегрэ, каким вздумается. Конечно, это не может радовать автора». Это был настоящий комиссар – не то, что герои многочисленных европейских экранизаций, которым категорически не хватает простодушия и народности, которые присущи сименоновскому герою. Ведь он – вовсе не голубая кость, а настоящий народный герой! Даже у Жана Габена Мегрэ получился слишком парадно-элегантным, слишком суетливым. Случались в нашей стране и экранизации «трудных романов» Сименона – так он называл свои книги, в которых не было Мегрэ и, как правило, отсутствовала детективная интрига. В СССР выходили и радиопостановки по Сименону, и театральные спектакли. И миллионы людей с удовольствием их смотрели и пересматривали.

В СССР его не только любили, но и глубоко понимали. Свидетельством тому – филологические исследования, посвященные Сименону. Отметим Элеонору Лазаревну Шнайбер, которая и переводил, и исследовала творчество французского мэтра. Она брала у него самые глубокие интервью. Никто из мастеров детектива такого не достаивался. И он, будучи человеком нерелигиозным, верил в человека, в прогресс, в том числе – в общественной жизни. Это тоже сближает его с советской культурой. Почти все советские мастера детективного жанра в большей степени учились у Симеона, чем, например, у Агаты Кристи или у американских звезд этого жанра.

Он много лет не писал романов. Последнюю книгу о великом комиссаре, «Мегрэ и господин Шарль», критика обругала. И он, еще не став стариком, перестал писать свои весьма коммерчески перспективные романы... В конце жизни Сименону Мегрэ только снился: «Он был выше, шире в плечах и массивнее, чем я, и, хотя я видел его со спины, в нем чувствовалась умиротворенность, и я позавидовал ему... потребовалось некоторое время, чтобы я в полусне понял, что это вовсе не реально существующий человек, а персонаж, рожденный моим воображением. То был Мегрэ в своем садике в Мен-сюр-Луар... Он не скучает. Во всякое время дня у него есть занятие, а бывает, они с женой, взявшись под руку, совершают долгие прогулки пешком. Картины эти сохранились у меня в мозгу, и это стало для меня как бы окончательной отставкой Мегрэ».

Для него были очень важны Россия и Советский Союз. И идеологически, и по душевному родству с нашей культурой. Сименон дружил с писателями Ильей Эренбургом, Юлианом Семеновым, режиссером Григорием Козинцевым... В своих высказываниях и воспоминаниях он снова и снова возвращался к русской теме, к своим путешествиям по Советскому Союзу. Отметим, что он похваливал СССР даже там и тогда, где и когда это было невыгодно. Такое дорогого стоит.

Когда мы берем в руки книгу Жоржа Симеона – нас всегда охватывает предчувствие глубокого погружения в мир очередного романа, оторваться от которого невозможно. И

эта книга – не исключение. Здесь писатель говорит от первого лица, откровенничает с нами. В основном это – интервью, мемуары и размышления, написанные не склоне лет. Он подводит итоги жизни, делится секретами писательского мастерства, много рассуждает о политике, опасаясь, что мир снова могут охватить войны. Его интересовала и проблема ответственности Европы перед Африкой. Ответственность за колонизаторскую политику. Да, Сименон в последние десятилетия жизни был настоящим гуманистом – не на страх, а на совесть. А мыслить он умел афористично, мудро и вместе с тем простодушно. Надеюсь, вы высоко оцените его откровения.

«Я счастлив, что после знакомства с циклом романов о Мегрэ и с «трудными» романами мои верные русские читатели смогут прочесть воспоминания и раздумья старика, каким я теперь стал», – писал Сименон в советскому изданию одной из своих мемуарных надиктованных книг. Конечно, всё это не менее интересно, чем самый замечательный детектив.

Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора журнала «Историк»

Любовь к маленькому человеку

С творчеством Виктора Гюго я познакомился поздно, в четырнадцать лет. До этого я мало читал французских авторов, больше увлекался Гоголем и Достоевским, Чеховым и Горьким. Книги русских классиков давали мне квартиросъемщики моей матери – русские студенты.



Как и его самый известный герой, Жорж Сименон курил трубку

Здесь я позволю себе небольшое отступление. С возрастом я стал относить всех деятелей культуры и искусства – будь то скульпторы, музыканты, художники или писатели – к нескольким четко отличающимся между собой категори-

ям. Превыше всех прочих ставлю тех, кого считаю творцами, то есть художников, испытывавших непреодолимое стремление выразить себя в своем творчестве, – Баха, Моцарта, Рембрандта, Ван Гога, Гюго. Ко второй категории отношу эстетов, то есть тех, кто обладает совершенной техникой, изысканным стилем. К третьей – моралистов, которые исходят из какой-то отвлеченной идеи и на ее основе создают столь же абстрактные образы. Наконец, существует и четвертая категория – увы! – слишком многочисленная. Это ремесленники от литературы, которых, к сожалению, становится все больше, сочиняющие так называемые бестселлеры.

Я говорю об этом лишь потому, чтобы подчеркнуть, что Виктор Гюго с самого раннего возраста, когда был еще подростком, испытывал неодолимую потребность выразить себя. И на протяжении всей своей жизни оставался ей верен. Это качество я ценю в писателе превыше всех остальных.

Эжен Сю написал «Парижские тайны», воспользовавшись тем, что в ту пору вошли в моду толстые журналы, печатавшиеся огромными тиражами. В подобных изданиях большое место отводилось «роману с продолжением». Эжен Сю, конечно, немало писал об обездоленных людях, о тех, кого общество выбросило на «дно», однако сам он как человек не проявлял к ним ни малейшего сострадания. Гюго (издал «Отверженных» вовсе не ради славы – к тому времени он уже завоевал ее историческими драмами. Своих проев – а многие из них настолько типичны, что их имена (гали нари-

цательными, – писатель наблюдал самым непосредственным образом, и не как посторонний, а как человек, глубоко сочувствующий им.

Доказательством искренности Виктора Гюго, его верность своим убеждениям служит, на мой взгляд, тот факт, что Писатель долгое время был вынужден жить в изгнании (после бонапартистского переворота 1851 год). Гюго наряду с Золя, защитником простого народа, был одним из немногих Французских писателей, выступивших в защиту коммунаров.

Гюго монументален, как Гоголь, Достоевский, Чехов. Такие люди – сама сила природы. Они писали потому, что испытывали в этом потребность. Ближе всех к Гюго стоит, пожалуй, Лев Толстой, произведения которого столь же искренни. В своей искренности Толстой – гигант мировой литературы – пошел до конца. Меня потрясли не только его романы «Война и мир» и «Анна Каренина», но и его повести, такие, как «Смерть Ивана Ильича». В них писатель сумел проникнуть в самую глубину человеческого существа.

Виктор Гюго возвысился над своим веком. Подобно всем гениям, Гюго был создан из единой глыбы. И в наши дни читатели разных стран стремятся ближе узнать из его книг Францию, понять душу ее народа. Виктору Гюго я обязан тем, что твердо следую своим убеждениям и в 79 лет по-прежнему придерживаюсь тех же взглядов и питаю те же надежды, что в молодости. К сожалению, я не обладаю ни такой энергией, ни той силой, которые присущи гению Гюго.

У нас, возможно, есть одна общая черта: глубокая любовь к «маленьким людям». Заслуга Виктора Гюго в том, что он понимал их, хотя и принадлежал к другой социальной среде.

Я ненавижу войну

– Прежде всего, – начинает беседу Жорж Сименон, – я хотел бы передать советскому народу, моим читателям самые искренние поздравления с 60-летием создания нового государства на просторах некогда отсталой Российской империи. За короткий срок, практически за жизнь одного среднестатистического человека, страна преобразилась; ее голос уверенно и весомо звучит в мире.

Я много путешествовал, посетил немало стран и всегда искал Человека. Да, да, Человека с большой буквы, не сломленного судьбой и обстоятельствами, человека, который красив духом и может управлять своей жизнью. Я верю, что так называемый «простой человек» (определение, конечно, явно неудачное, но ставшее уже привычным) обретет свободу, а главное – уважение к себе. Все мы нуждаемся в уважении к себе и другим. И такого человека, обретшего свободу и уважение, я встречал у вас во время двух моих поездок по Советскому Союзу. Первый раз, в 1932 году, я провел месяц в Одессе, затем совершил поездку по побережью – Ялта, Новороссийск и мой любимый Батуми, красочный, жизнерадостный перекресток веков и цивилизаций.

Вместе с семьей я вновь побывал в Советском Союзе. Контраст был потрясающим – настолько заметна была динамика развития, совершенствования. Чувствовался и ощущался

ся в каждом отдельном факте стремительный рывок страны, желание откинуть прошлое, отсталость, выйти на передовые рубежи в экономике, науке, технике. Меня поразило, как быстро я нашел человеческий контакт с советскими людьми. Я не говорю по-русски, но смесь из разных языков помогала как-то объясняться. У меня и сейчас перед глазами полная символики сцена на знаменитой лестнице в Одессе, где малышка подбежала к моему сыну и протянула розы. Что может быть прекраснее и прочнее на земле естественных душевных движений, дружбы и взаимного внимания!

В эту поездку я глубже осознал величие русского народа, знакомого мне по Гоголю (я считаю его великим гением), Достоевскому, по Толстому, Чехову и Горькому.

Сейчас я часто размышляю о счастье людей, о счастье в семье, о разводах, буквально захлестывающих мир. Об этом – много в моих последних мемуарах. Разводы прежде всего превращают детство ребенка в постоянный кошмар. Больно видеть маленьких старичков, вовлеченных в борьбу самолюбий и эгоизма, ставших разменной монетой в ситуации, где нет и не может быть победителя.

Понятия личного счастья у каждого человека меняются с жизнью, от юности и до старости. Умение не предаваться унынию – это тоже счастливое качество. Сегодняшняя молодежь зачастую боится будущего, борьбы за него, порой и неудач. Но ведь всегда можно начать сначала, ибо, как говорится, «человек падает на ноги». Я был в разных обсто-

ательствах, начинал с мансарды, где сам на спиртовке готовил себе, и, знаете, там я был по-настоящему счастлив, работал в полную меру сил, ошибался, но жил настоящей жизнью. Жаль, что общество потребления на Западе превращает людей в своеобразных марионеток: поведение человека во многом диктуется условностями, создаваемыми в погоне за вещами. Дело не в вещах, порой и ненужных, – они только на миг удовлетворяют тщеславие, – а в понимании, что жизнь так быстротечна. Сейчас, на склоне лет, я вспоминаю не вещи, а интересных людей, умные книги, картины художников, которые когда-то тронули меня до глубины души, и, стоя перед которыми я остро завидовал: нет, так я не смогу, хотя, в общем-то, ни совершенству, ни стремлению к нему нет предела.

– В ваших романах много свидетельств, что вы ненавидите войну...

– Я против войны. Пережив две мировые, не могу спокойно слушать, когда хладнокровно, подобно маньякам, рассуждают о новом оружии, позволяющем уничтожать все больше и больше людей, а в конечном итоге – и все человечество. Это аморально, Мне противен Наполеон, когда он пишет Жозефине: в последней битве, дескать, погибли 30 тысяч солдат, но это пустяк в сравнении с тем, что скоро он будет в ее объятиях. Мы, писатели, должны влиять на человека, чтобы он сам осознал свою ответственность, чтобы он понял: выход из тупика в отказе от войны как способа веде-

ния споров, в уничтожении оружия на земле. Этот идеал человечества стал сегодня императивом.

Мир в опасности

– Вы видели комментарий в «Трибюн де Лозанн» об отношении Рейгана к советским инициативам? – еще с порога громко и возбужденно вопрошал он, потрясая свежей газетой.

Все это так не вязалось с тем, что приходилось читать о Сименоне в западной печати, с отзывами о его мнимой аполитичности, безразличии как самого писателя, так и созданных им героев к политическим и социальным проблемам. Со временем стало понятно, что дело не в Сименоне. С поразительной настойчивостью все его высказывания и оценки по указанной проблематике оказывались изъятymi из публиковавшихся интервью, а в телепередачах и телеинтервью с ним оказывались как бы «случайно», за кадром.

– Обычно я не интересуюсь, что пишут обо мне газеты, – ответил писатель на мой вопрос о том, что он думает по этому поводу. – Однако попытки превратить меня в политического нигилиста обидны. Создавая образ комиссара Мегрэ, ставшего для читателей наиболее популярным героем моих произведений, я действительно пытался отделить и даже оградить его от политики. В то время я верил, что это возможно, мне хотелось убедить читателей в праве на существование честной, независимой и одновременно социально активной личности, стоящей вне существующих политиче-

ских партий и течений. И я действительно искренне верил и считал, что полиция, органы правосудия и другие институты могут существовать в нашем обществе вне политики. Но, увы, – вздыхает Сименон, – жизнь давно избавила меня от этих иллюзий молодости. Ни в одной из буржуазных стран подобные органы не могут претендовать даже на видимость независимости, напротив, они используются в качестве орудия политического давления и влияния. И это всем известно.

Приобретенный за прожитые годы опыт, пережитые мной и моими сверстниками исторические уроки, в числе которых память о двух опустошительных мировых войнах, их жертвах, заставляют глубже и принципиальнее, чем в молодости, осмыслить нашу сегодняшнюю действительность и ее проблемы. Вот послушайте, какой урок пришлось мне получить в США. После окончания второй мировой войны я поселился в 1945 году в Америке. Со мной была семья, мои романы экранизировались в Голливуде, я приобрел хороший дом, завел друзей. Жизнь была безоблачной, и я стал серьезно задумываться о получении американского гражданства, тем более что двое моих детей родились в США, говорили на английском языке. Готовясь к этому шагу, я серьезно изучал конституцию Соединенных Штатов, и мне импонировали многие ее статьи. Некоторые я даже знал наизусть.

Но вот когда в США начался разгул маккартизма, вошедший в историю страны как печально известная «охота на ведьм», я понял, что реальная американская действитель-

ность весьма далека от свобод, провозглашаемых конституцией. Унизительным преследованиям подвергались такие знаменитости, как ученик Эйнштейна профессор Оппенгеймер, в тюрьму за свои прогрессивные убеждения попали десятки видных деятелей культуры и ученых. Из опасения оказаться за решеткой многие американцы были вынуждены скрываться и жить в собственной стране на нелегальном положении. Среди них было немало и моих друзей, которым я ничем не мог помочь.

Маккарти наводил ужас на американцев, но все молчали. Меня в то время глубоко поразило, что такая дикая кампания преследований и гонений за убеждения возможна в стране, которая преподносится миру как оплот и идеал демократии. Это и предопределило мое решение: я отказался от просьбы о предоставлении мне американского гражданства и возвратился в Европу.

Интересно, каким будет 2000 год, любопытно, как люди встретят и чем отметят это событие, что ждет человечество за этим порогом в третье тысячелетие. Меня уже не будет, но мне отнюдь не безразлично, как будут жить в это время мои дети и внуки. И будут ли. Когда узнаю из газет и по радио о разрабатывающихся в США новых сценариях будущих войн, невольно вспоминаю мрачные времена маккартизма. Тогда каждый американец боялся и молчал, надеясь, что такая тактика его спасет, что пострадает кто-то другой. Но времена изменились, всем известно, что ядерная война не пощадит

никого. Мне думается, сегодня надо считать аномалией, когда человек спокойно или равнодушно взирает на нагнетание ядерной угрозы миру. Знаю, что подобная точка зрения, тем более исходящая от меня, не согласуется с устоявшимися у многих взглядами на меня как на писателя, стоящего вне политики. Не претендуя на выражение взглядов какой-либо из политических партий, я тем не менее никогда не скрывал направленности своих симпатий. А они, как известно, всегда были на стороне простого народа. Думаю, что это обстоятельство и повлияло на мою популярность в Советском Союзе, где у меня много друзей, с которыми я много лет переписываюсь. Мне с раннего детства хорошо известны те язвы и пороки, которые несет с собой капитализм. Сегодня к ним прибавились новые, и главная угроза исходит из США, руководство которых проводит милитаристскую политику и опасно наращивает ядерный потенциал и свои арсеналы оружия. Но есть надежда, что будущее все же не за президентом Рейганом и его сторонниками. В мире нарастает широкая волна протеста против капиталистической эксплуатации, ущемления прав людей труда и ядерной угрозы. В странах капитала широкие массы лишены возможности свободного волеизъявления и не всегда в состоянии определить свое будущее. Но очевидно, что антимилитаристские настроения завоевывают все более устойчивые позиции даже в такой стране, как США. Я верю, что именно им, этим настроениям, и принадлежит будущее.

Сегодня сообщения в печати об экономических проблемах в странах капитала, о росте безработицы и забастовок невольно напоминают мне о временах глубокого экономического кризиса, разразившегося на Западе в 20-е годы. Мне кажется, что с тех пор за показным фасадом мнимого процветания, который так любят рекламировать в капиталистическом мире, мало что изменилось. Из замкнутого круга острых социальных проблем, порождаемых капитализмом, нет выхода. По мере нарастания безработицы, инфляции и налогов мы все чаще становимся свидетелями духовного оскудения.

Сименон, по его словам, не связывает свои критические оценки капиталистического общества с проповедью какой-либо идеологии.

– Может быть, из-за этого, – говорит он, – меня иногда называют анархистом. Но я на подобные ярлыки не обижаюсь, ведь мое жизненное кредо известно: осуждение всякого насилия человека над человеком. Понимаю, что сегодня одних деклараций такой позиции уже явно недостаточно. Поэтому если бы я смог вернуть свою молодость, то встал бы в ряды активных борцов с несправедливостью и ядерной угрозой. Человечество – столь незначительная и уникальная разумная часть Вселенной, что за ее будущее не жаль отдать даже жизнь. Опасность миру сегодня настолько остра, что человек не имеет права замыкаться в узком кругу своих личных интересов. А писатель – тем более. Ведь он несет пе-

ред обществом двойную ответственность за его будущее. Он лучше и раньше других должен видеть как наиболее острые проблемы, встающие перед человечеством, так и пути их решения.

Моя литературная кухня

Беседа с Элеонорой Лазаревной Шрайбер (1918–2004)

Вы не раз говорили, что многим обязаны Гоголю, Чехову и Достоевскому. Хотелось бы знать, каким образом они способствовали формированию вашего творчества?

Прежде всего хочу предупредить, что я – романист, и только романист, а не писатель вообще. Иначе говоря, у меня не критический склад ума, и я не умею писать научные статьи, вести литературные или философские дискуссии. Видимо, у меня преобладает не интеллект, а интуиция. Поэтому в ответах на ваши вопросы будет отражено лишь мое личное мнение в данный момент. Не ждите от меня научной аргументации. Боюсь, что мои ответы покажутся вам довольно туманными или банальными.



Жорж Сименон за работой

Впервые я прочел Гоголя, когда мне было лет тринадцать. Он произвел на меня потрясающее впечатление. В ту пору я еще не знал Фолкнера. Об американском писателе я упоминаю потому, что люблю сравнивать их – оба они воссоздали целый мир и сделали всеобщим достоянием маленький, совсем маленький личный космос.

Казалось бы, что я, подросток, француз (вернее – бельгиец), не имеющий никакого представления о России, не смогу найти в произведениях Гоголя доступную для моего ума духовную пищу: ведь автор описывал совершенно чуждые мне края, нравы и обычаи. Однако он сразу же ввел меня в

свой мир, и я словно переселялся из своей комнаты в Россию, приобщаясь в то же время ко всему миру.

Гоголь как бы взял человека таким, каким мы его видим, разъял его на составные части, затем воссоздал на свой лад, и этот заново сотворенный писателем человек делается нам ближе, чем тот, которого мы встречаем повседневно.

Поразило меня (и поражает до сих пор) у Гоголя чрезвычайно редкое для писателя свойство – органическое сочетание комического и трагического, то, что так удавалось Шекспиру.

Вот что я думаю о Гоголе и почему считаю его одним из величайших писателей XIX века...

Ваши герои – тоже простые, ничем не примечательные люди, жизнь которых внезапно и трагически меняется в силу, казалось бы, чисто внешних, порой незначительных обстоятельств. Можно ли считать, что судьба «маленького человека» в современном обществе особенно привлекла наше внимание после чтения Гоголя?

Именно этим я обязан Гоголю. Всю жизнь я не искал ни героев, ни подвигов, ни трагических ситуаций, но, взяв самых обыкновенных людей и сохраняя всю их достоверность, не выводя их за рамки привычного существования, стремился придать в то же время героическое звучание их жизни.

А как вы относитесь к Гоголю-сатирику?

Как я уже сказал, трагическое и комическое слито у Го-

голя воедино. Он не просто отбрасывает все мнимые ценности, но своим хлестким юмором (я не сказал бы, сатирой) доводит их до такой степени нелепости, что они разбиваются вдребезги.

Каким образом вы познакомились с произведениями Гоголя?

В детстве, когда человек наиболее впечатлителен, я провел много лет в Льеже в обществе русских студентов. Моя мать держала пансион, и ежегодно к нам приезжали молодые люди. Почти все они были бедны, даже очень бедны. Почти все в той или иной мере участвовали в революционном движении. Они относились ко мне дружелюбно, и я частенько слушал их беседы. Студентов удивляло, что такой желторотый юнец интересуется литературными и политическими спорами. А когда они узнали, что я умею читать (мне шел десятый год), стали давать мне книги русских писателей. Они рассказывали мне о Пушкине и Тургеневе, но больше всего о Гоголе, Достоевском, Чехове и Горьком. Благодаря этой молодежи я соприкоснулся с тем, что называют «русской душой», вернее, складом ума, потому что, когда с утра до вечера находишься в обществе пяти-шести русских, неизбежно приобщаешься к их образу мыслей и жизни. Русская литература стала для меня главной.

Много лет спустя я с радостью убедился, насколько полезен был для меня такой контакт.

Кого вы считаете своим «главным» писателем?

Чехова. Я не просто восхищаюсь им, а питаю к нему поистине братскую любовь. В его произведениях я нахожу почти все мои замыслы в более совершенном исполнении.

Прежде всего о том, как Чехов видит человека и чему он научил меня. Хотя иногда очень трудно точно определить меру чужого влияния или отграничить его от того, что свойственно тебе самому.

Я считаю, что в литературе Чехов был первый, кто взял человека не как нечто замкнутое в себе, а в его среде, в бытии жизни. В произведениях Чехова не только узнаешь персонажей, но и состояния их души – в зависимости от времени года, от отношений друг с другом или с природой, – что придает им как бы третье измерение.

Персонаж Чехова раскрыт всесторонне; автор не пытается объяснить его, но дает почувствовать всю его сложность. При этом в отличие от персонажей большинства романистов герой Чехова сам еще не до конца познал себя и стремится найти себя, как многие из нас ищут свое место в жизни.

Я уже давно убедился, что понимание и познание – эквиваленты любви. То есть если знаешь человека, понимаешь его, то в конце концов начинаешь его любить. Это страх порождает ненависть. Вообще человек склонен ненавидеть то, чего он боится. Проходит страх – исчезает ненависть. Както, говоря о Гоголе и Чехове, вы употребили слово, которое мне лично не очень нравится, – «жалость». Я предпочитаю слово «любовь». Гоголь, так же как Чехов, так любит людей,

что никогда не осуждает их до конца. Вот почему их творчество гуманно и полезно. Я думаю, что можно достичь гораздо большего для братства людей, стараясь научить их понимать друг друга, чем если преподносить им абстрактные истины.

Какова, по-вашему, роль театра Чехова?

Меня очень радует необычная судьба чеховского наследия. В 10-х и даже в 20-х годах его имя было почти неизвестно в западных странах. Мне кажется, что вначале даже в России у него не было широкой аудитории. А нынче – если взять только один сегодняшний вечер – его пьесы идут по меньшей мере в сорока театрах мира, и, если обратиться к статистике, я уверен, что Чехов окажется одним из самых популярных драматургов. По-моему, его влияние на сегодняшний театр, так же как и на театр вчерашний (как, например, на Пиранделло), не подлежит сомнению. За последние годы я не видел чеховских пьес на сцене, но между 1922 и 1935 годами их ставили Питовевы, которые тогда считались одной из лучших русских трупп в Париже. Позднее я видел кинофильмы и телевизионные постановки, которые мне не понравились. Единственное исключение – кинокартина «Дама с собачкой». Я был председателем жюри кинофестиваля в Каннах, когда этот фильм представили на конкурс. Он привел меня в восторг. Впервые мне довелось увидеть, как на экран перенесены тончайшие нюансы замысла автора.

В кино очень трудно передать атмосферу произведения, ауру, присущую персонажам. Киноаппарат фиксирует лишь

контуры, светотени и чаще всего не может передать таинственную жизнь, приданную автором персонажам. Однако в «Даме с собачкой» кинематографисты блестяще справились с ной задачей, и создается впечатление, что перед вами подлинное произведение Чехова.

Что вы думаете о чеховской манере письма?

Здесь мы подошли к вопросу, который я назвал бы вопросом литературной техники. Меня восхищает у Чехова полное отсутствие искусственного блеска, нарочито подстроенного эффекта. Он пишет «under key», как говорят англичане, или – если можно так выразиться – в полутонах. Автор вместо того, чтобы дать резкое освещение, всегда остается как бы в глубине, спокойный и мягкий. Именно благодаря этому стилю всеохватывающей простоты (насколько можно судить по переводу) он придает произведению истинную жизнь. Наверно, некоторые читатели иногда думают: «Так написать мог бы и я!» Но как трудно достичь подобной простоты!

В какой мере вы испытывали влияние Льва Толстого?

Начну с последних слов о Чехове. Насколько Чехову присущи мягкость, «полутона», настолько Толстой могуч и ослепителен, как наш Виктор Гюго. Меня восхищает монументализм «Войны и мира», а «Анну Каренину» я считаю совершенным романом. Если бы в школе читали курс по истории романа, следовало бы взять за образец «Анну Каренину», во Франции – «Мадам Бовари».

Но мне лично больше нравятся две небольшие повести Толстого – «Смерть Ивана Ильича» и «Хозяин и работник». В них Толстой не стремится блеснуть могуществом своего таланта: видимо, он сам был захвачен описываемыми им событиями, и потому в этих вещах больше ощущается взволнованность автора, чем изумительная техника. Что же касается «Воскресения» – оно почти не произвело на меня впечатления.



Поклонник русской литературы

А статей Толстого я не читал. Признаюсь, если писатель хочет что-либо доказать, то есть исходит из какой-либо идеи,

а не из личности героев, он никогда не волнует меня, ибо я считаю, что художественное произведение должно создаваться почти независимо от его творца. Нельзя заранее решить: «Я буду писать о ревности». Описываешь любовную сцену и вдруг замечаешь, что невольно перешел к ревности.

Большинство произведений Толстого мне не нравится, ибо они написаны в подтверждение заранее избранной автором философии.

Как вы расцениваете значение Достоевского для мировой литературы?

Достоевский – один из редких феноменов в мировой истории. Его творчество – явление не меньшего размаха, чем театр Шекспира.

Достоевский был в такой степени одержим всеми человеческими страстями, что он был одновременно чудовищем и гением, гением и безумцем. Это – сгусток человечности, которая вдруг прорвалась в двух десятках романов-шедевров. Достаточно прочесть несколько строчек из любого его произведения, и вам ясно, что автор – феномен. Вот почему каждый человек, независимо от национальности и вкусов, может найти у него нечто близкое себе.

Вам, разумеется, известно, что за истекшее столетие были написаны целые фолианты о том, как следует толковать ту или иную роль в пьесах Шекспира. То же можно сказать и о Достоевском. В его произведениях есть многое, над чем можно задуматься. Каждый читатель находит в его романах

пищу для ума и души. Как говорят французы: «Найдется, чем утолить и голод и жажду».

В основе многих ваших, как вы их называете, «трудных» романов лежит внутренний конфликт героев, связанный с их чувством вины перед окружающими и моральной ответственностью перед самим собою. В этих романах, по-моему, особенно ясно ощущается влияние Достоевского. Верно ли, что самый значительный из них «Грязь на снегу», где ставится проблема падения и возрождения человека?

Мне кажется, что, если проанализировать произведения любого современного романиста, всегда найдется что-нибудь «от Достоевского», который, как и Шекспир, коснулся почти всех состояний души человека.

Фрейд писал кому-то, что идея психоанализа возникла у него после чтения Достоевского. Без него психоанализ, может быть, и не существовал бы.

Я считаю, что главное у Достоевского – новая трактовка понятия вины. Это понятие весьма сложное, далеко не столь ясное и четкое, как оно изложено в Уголовном кодексе. Оно лежит в основе личной драмы, существующей в душе каждого человека. Многие из тех, кого называют святыми, не стали бы святыми, не пройди они через страшные испытания. Простите меня за банальность и бессвязность, но я предупредил, что мои ответы основываются не на логике, а на личном восприятии.

По возрасту я был слишком молод, чтобы стать солдатом в первую мировую войну, и слишком стар для участия во второй. Следовательно, я не знаю фронтовой жизни. Но я пережил две оккупации и считаю, что оккупация может быть не менее страшной, чем война. На фронте молодой человек действует под влиянием общего патриотического порыва. А в тылу герои живут вперемешку с подлецами. Потому-то и получилось, что те, кого считали храбрецами, оказывались трусами, и наоборот.

Я хотел описать махинации и гнусности оккупации в романе «Грязь на снегу», их воздействие на юношу, полного жажды жизни, идеалиста и циника одновременно, как это бывает в шестнадцать лет.

Когда вы впервые прочли Горького?

В детстве. Я любил забираться с книгой Горького куда-нибудь во двор, где мама стирала белье. Особенно нравились мне места, где действие происходит на берегах Волги. Я ощущал запах степных трав, видел плывущие мимо суда, слышал пение птиц. Я упивался этой жизнью до того, что забывал, где я. И еще одна книга произвела на меня сильное впечатление – роман «Мать».

Чем вы можете объяснить, что в ваших произведениях обычно дается образ эгоистичной в своей любви и деспотичной матери?

Я мог бы вам ответить, что мать – обычно самый консервативный член семьи. Это ее предназначение, ибо она долж-

на оберегать свое потомство и хранить традиции. Отец ведет менее замкнутую жизнь. Во всяком случае, так было сорок лет назад, когда я начинал писать. Мать являлась монолитной, жесткой опорой семейного очага. Поэтому дети чаще возмущались строгостью материнского воспитания, чем отцовского, которое было мягче.

Вероятно, это поразит вас, но я исхожу из данных полицейской статистики. Всегда говорят о нежной, любящей матери... Так оно и бывает в большинстве случаев. Однако матери чаще, чем отцы, бросают своих детей и чаще истязают их. Для матери ребенок до двух-трех лет – это существо, которое целиком принадлежит ей. Но как только в нем определяется индивидуальность и дитя превращается в маленького человека, мать начинает как бы ревновать его. Ей трудно примириться с тем, что это рожденное ею существо ускользает от ее влияния. Я тоже писал о матерях нежных и снисходительных, даже жертвующих собой. Но и других не меньше – дела этого рода я с интересом читал в полицейских рапортах.

Видели ли вы Горького на сцене?

Я видел несколько его пьес в исполнении талантливой русской семьи актеров Питовых. Они ставили Горького в Париже. Как только театр оказывался на мели – а иногда наступало такое безденежье, что нечем было даже заплатить за электричество! – Питовы знали, что стоит им показать парижанам «На дне», как полный сбор обеспечен.

Согласны ли вы, что образы «клошаров» в ваших романах напоминают бродяг, обитателей горьковского «дна»? Например, доктор Келлер в романе «Мегрэ и бродяга».

В любом крупном городе любой страны существуют люди, не сумевшие приспособиться к современным условиям жизни. По тем или иным причинам они порывают с организованным обществом. В Париже вы увидите их на набережных Сены. У Горького они живут в подвалах или в бараках. В Нью-Йорке – в Бауэри или под присмотром Армии Спасения. В Лондоне – в доках. Это – феноменальное явление. Эти отброшенные обществом люди обладают часто исключительным благородством. Они живут без идеала потому, что слишком стремились к нему и не нашли его.

Читали ли вы кого-нибудь из современных русских писателей, например Алексея Толстого?

Да, я читал его, но мало, так как с 28 лет я перестал читать романы и позволяю себе знакомиться только с мемуарами и письмами – от Юнга, Черчилля и Хемингуэя до Наполеона и Талейрана. Читаю я не систематически. По существу, я почти не знаю новой русской литературы, так же как и французской («нового романа») и американской.

В литературе США я остановился на эпохе Фолкнера, Хемингуэя, Стейнбека и Дос Пассоса.

Были ли вы знакомы с Ильей Эренбургом?

Ответ. Я близко знал Илью Эренбурга в 1933–1935 годах.

Одно время мы встречались каждое воскресенье у общего друга – Эжена Мерля. Эренбург упоминает о нем в своих мемуарах. Мерль жил под Парижем, и, так как у Ильи не было своей машины, я обычно подвозил его домой.

Эренбург был очень приятным, несколько странным человеком. Он больше слушал, чем говорил. Сидит где-нибудь в углу, словно его тут и нет, и кажется, что он ничего не слышит. Однако он помнил все, о чем мы говорили... Мне очень хотелось встретиться с ним либо здесь, либо в России. Его мемуары произвели на меня огромное впечатление.

Илья был старше меня на одиннадцать лет. Он знал многих моих друзей за одиннадцать лет до меня, главным образом художников, с которыми я подружился только в 1922 году: Вламинка, Дерена, Модильяни и других. Он был близок с ними еще в довоенные годы, а этот период представляет для меня загадку, к которой я снова возвращаюсь благодаря мемуарам Эренбурга.

Не знаю, случайность ли это или преднамеренный выбор, но приезде в Париж у меня оказалось больше друзей среди художников, чем среди писателей. Даже теперь я почти не поддерживаю связи с писательской братией. У меня такое ощущение, что мне нечего им сказать и что мне будет с ними скучно, чего никогда не бывает в обществе художников.

1922 год, когда я приехал в Париж, был еще великой плюхой Монпарнаса, туда съезжались художники из всех стран мира. На террасах кафе «Ротонда», «Дом», «Куном», гово-

рили на всех языках и целыми днями обсуждали новое искусство. Я стал безвестным товарищем художников, которые были чаще всего старше меня, таких, как Вламинк, уверен, Пикассо, чьим другом я остался до сих пор. Среди них художников многие очень бедствовали, потому что их вещи еще не продавались.

Можно ли в какой-то мере считать Сутина прообразом художника в романе «Маленький святой»?

Сутин был самым бедным. Он жил в похужей на сарай мастерской, где-то на заднем дворе. Начав новое полотно, он нередко оставался взаперти по три-четыре дня. Мы всегда недоумевали – ест он что-нибудь в это время или нет?

Для того чтобы написать свою самую знаменитую картину «Освежеванный бык», Сутин купил за бесценок полтуши попавшего под поезд быка. Он работал над ним не отрываясь целую неделю. Можете представить себе, сколько там развелось мух и червей и какой стоял ужасный запах! Но художник ничего не замечал и продолжал писать – это был настоящий фанатик. Для него ничего не существовало, кроме его полотна. А когда Сутин продавал что-нибудь, он клал деньги на блюдо – как в моем романе «Маленький святой». И каждый, кто нуждался в деньгах, приходил и брал себе, сколько ему было нужно. Деньги для него не имели никакого значения. Сутин был художник-идеалист, вроде Ван Гога.

Встречались ли вы с Шагалом?

Шагал в то время был известен меньше, чем Сутин, и де-

лал главным образом иллюстрации. Он редко принимал участие в ночных сборищах.

Мне только что удалось купить картину Сутина – вы видели ее в моем кабинете. В то время я мог бы приобрести его картину за 50 франков, но у меня не было их, так же как и у него.

«Маленький святой» – ваш единственный роман, посвященный судьбе художника. Как понимать его название?

Мне всегда хотелось описать человека, живущего в мире с самим собой, наслаждающегося душевным покоем. Так вот эту душевную ясность я наблюдал у Цадкина, например, и она свойственна, без сомнения, Шагалу.

Они близки друг другу по душевному складу – живут в состоянии непрерывного творческого горения, которое сродни блаженству. Можно сказать, что жизнь омывает их, как свежая вода. У большинства художников, которых я знал, было стремление к этой душевной ясности и покою. Может быть, поэтому они дожили до глубокой старости?

Вопрос. Но ведь «Маленький святой» достигает душевного покоя ценой полного отключения от волнений окружающих, даже самых близких ему людей?

Ответ. А я и не предлагаю «Маленького святого» как идеального человека. В последней главе романа он сам осознает, что черпал силу для своего творчества в жизни и смерти своих братьев и сестер, во всех пережитых ими трагедиях.

Для него важно было только его творчество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.